

УДК 808.56

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ
ПОЛИЦИИ РУССКОМУ ЖЕСТОВОМУ ЯЗЫКУ**

**TOPICAL ISSUES OF TEACHING RUSSIAN
SIGN LANGUAGE TO THE POLICE OFFICERS**

Арский Александр Адольфович,

доцент кафедры иностранных и русского языков

Сибирского юридического института

МВД России (г. Красноярск),

кандидат филологических наук

arski7@yandex.ru

Ключевые слова:

жесты, язык, глухой, обучение, полиция, речь, планирование.

В статье описываются основные причины существующих проблем эффективного обучения жестовому языку не только в России, но и в других странах. Помимо этого автор указывает на недостатки официальной учебной программы подготовки сотрудников полиции основам русского жестового языка в рамках реализации приказа Министерства внутренних дел, а также на отсутствие учебного пособия, соответствующего учебному времени, выделяемому на дисциплину в образовательных учреждениях МВД России в соответствии с учебной программой.

Keywords:

gestures, language, deaf person, training, police, speech, planning.

The article describes the main causes of the existing problems of effective sign language teaching not only in Russia, but also in other countries. The author points out the shortcomings of the official curriculum for training police officers in the basics of Russian sign language in the framework of the implementation of the Order of the Ministry of the Internal Affairs, as well as the lack of training manuals corresponding to time for training the discipline in accordance with the curriculum in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

В свете когнитивного подхода к объекту исследования любой язык является не только уникальной системой фонетических, лексических, грамматических и других единиц, объединенных общепринятыми среди его образованных носителей правилами, но и уникальным, соответствующим этому языку образом мышления [1]. Поэтому люди, лишенные слуха, являющегося одним из важнейших каналов получения информации в процессе коммуникации, с одной стороны, отличаются в той или иной степени специфичным мировоззрением, поскольку мыслят образами, а не словами, как это происходит у слышащих людей при реализации конструктивной функции языка, а с другой стороны, зачастую чувствуют себя в обществе слышащих, как иностранцы в чужой стране, оставаясь при этом полноценными ее гражданами. Поэтому присвоение в 2012 году в Федеральном законе от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» русскому жестовому языку статуса официального средства общения, в том числе и в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации, стало важным и действенным проявлением заботы о людях, страдающих нарушением слуха. В упомянутом законе органам государственной власти и местного самоуправления было предписано создать условия для получения инвалидами по слуху услуг по сурдопереводу и обеспечить подготовку преподавателей русского жестового языка для последующего обучения сотрудников подведомственных учреждений.

15 июня 2015 года был опубликован приказ МВД России № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, занимающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации», принятый во исполнение указанного Федерального закона, и в 2019 году изучение основ русского жестового языка стало обязательным для большинства категорий обучающихся в образовательных учреждениях МВД России. Возникает вопрос: почему это не было сделано намного раньше? Если глухой человек почувствует к себе уважительное отношение даже на уровне попытки заговорить с ним на жестовом языке, то он в большинстве случаев ответит готовностью идти на контакт.

Однако следует признать, что причиной затягивания с решением этого вопроса была отнюдь не неповоротливость российских властей. Например, показательной в этом отношении является проблема наименования инвалидов по слуху (в большинстве случаев слышащие люди используют по отношению к ним термин «глухонемой»). Одной из причин устойчивости использования этого термина является его использование до 50-х годов XX века в качестве общепринятого во всех документах и печатных изданиях. Проблема в том, что на протяжении многих столетий неслышащие люди считались необучаемыми. Лишь в 1760 году во Франции аббат де Л'Эпе открыл первую школу для глухих

людей [3], в России первая школа для глухих детей была открыта в 1806 году. Только в середине XX века жестовый язык был признан как самостоятельная коммуникативная система.

Следует учитывать, что в настоящее время термин «глухонемой» в отдельных случаях может спровоцировать инвалидов по слуху на обращение в суд, который, как показывает практика, в подобных случаях принимает решение в пользу истца. По действующему законодательству (например, ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление») за непубличное и без применения насилия унижение достоинства человека с ограниченными возможностями ответчику грозит штраф в размере до 3 тыс. рублей, если обида нанесена должностным лицом, то штраф может составлять до 30 тысяч рублей. При этом в настоящее время на официальном уровне активно обсуждается вопрос об ужесточении наказания за подобные деяния: для физических лиц до 30 тыс. рублей, для должностных – до 50 тыс. рублей, для юридических лиц – до 300 тыс. рублей. В данном случае уместным будет перефразировать пресловутое выражение «Незнание законов не освобождает от ответственности», берущее начало в основах Римского права, «*Ignorantia juris non excusat, ignoratio facti excusat*» (перевод: незнание закона не является оправданием, незнание факта является оправданием) в выражение «Незнание различий между терминами «глухой» и «немой» не избавляет от ответственности». Инвалиды по слуху не являются немыми, хотя их речь и не отличается привычной для слышащего членораздельностью. Степень разборчивости речи глухого зависит от степени его слуха, от результатов его занятий с сурдологопедами, от его природных способностей к обучению и прочего. Поэтому в большинстве случаев правильнее говорить: «Люди с ограниченными слуховыми возможностями», «люди с нарушением слуха», «инвалиды по слуху» или «неслышащие». Слово «глухие» – это неофициальная характеристика людей с дисфункциями слуха.

Другой причиной затягивания с решением присвоить жестовому языку официальный статус официального средства общения является фактический запрет на использование жестового языка при обучении глухих, утвержденный в 1880 году в Милане на Международной конференции педагогов, работающих с глухими [5]. Большинство голосов на этой конференции было провозглашено приоритетным методом обучения глухих речи, получивший позднее неофициальную аббревиатуру «ЧУМ» (чтение по губам). С тех пор в России и во всей Европе в школах для глухих стали искоренять преподавание жестового языка и с его помощью. До сих пор во многих учебных заведениях для глухих следуют этому методу, отказываясь от возможностей жестовой речи. Однако следует признать, что, не подвергая сомнениям успех системы ЧУМ, данная методика препятствует образованию взаимосвязи мышления и речи глухого. Для глухого говорение является лишь «техникой, заключающейся в заученной после-

довательности движений мышц речевого аппарата», но не средством передачи информации [4]. Проблема в том, что глухой ребенок, как правило, попадает к сурдопедагогам с большим запозданием, поскольку его родители до последнего не могут признать неисправимость ситуации. Такие дети оказываются запущенными как в коммуникативном плане, так и в общеобразовательном. В ходе обучения механическому говорению их не успевают учить смыслам произносимых слов, усваиваемых слышащими детьми обычно к соответствующему возрасту. В итоге не редкость глухие, успешно окончившие школу, но добившиеся хороших оценок путем механического заучивания, а не понимания, осмысления текстов.

В 1938 году на Всероссийском совещании по вопросам обучения и воспитания глухих детей эффективность системы ЧУМ была поставлена под сомнение [2]. После этого школьную программу обучения глухих дополнили дактилологией. Но это лишь отчасти улучшило сложившуюся ситуацию. Для глухих русский язык говорящих остается чужим, а родной язык жестов официально не преподается, поэтому не отличается единообразием и общепринятостью. Как следствие, многозначность русского языка говорящих остается для глухих недоступной на уровне смысла, например, словосочетание «материнская плата» они понимают буквально – «мама + платить». Таким образом, фактически многие глухие не только не являются носителями языка говорящих, но и не понимают многих его смыслов в силу невысокого уровня образования. И виноваты в этом как упомянутые родители, до последнего отказывающиеся верить в глухоту своего ребенка, так и система образования, ориентированная на отказ от изучения жестовому языку.

По всей видимости, это одна из причин отсутствия до сих пор единого словаря русского жестового языка и соответствующей специальной учебной литературы, за исключением редких разработок, направленных на подготовку переводчиков жестового языка. За эталон среди специалистов условно принят московский вариант русского жестового языка. Зачастую на небольшой словарный запас неправоммерно ссылаются глухие, оправдывая таким образом нарушение ими закона, незнание которого, как известно, не избавляет от ответственности. Но ограниченный словарный запас приводит к тому, что глухой не всегда правильно понимает по губам говорящего, как бы четко ни артикулировалось произносимое. К тому же это может проходить намного медленней, чем у слышащего человека. На жестах и дактиле коммуникация у глухих не уступает по скорости коммуникации слышащих людей, но при необходимости общения с человеком, не владеющим навыками жестового языка, глухим остается либо использовать довольно медленный способ «напиши – я прочитаю», либо пытаться считать информацию по губам, что многим дается с большим трудом. В подобных случаях возможно неполное понимание либо пол-

ное непонимание собеседниками друг друга, что в ряде случаев сравнимо со старческой деменцией, когда тебя вроде понимают, но отвечают не впопад, то есть совсем не то, что ты хочешь услышать в ответ (например, «Сколько время?» – «Да, похолодало»). Поэтому если глухой на вопрос «Понял ли он?» кивнет утвердительно, то не лишним будет переспросить его, что он понял на самом деле. Кивнуть он мог просто, чтобы не показаться идиотом, или полагая, что правильно интерпретировал слова (например, по губам).

Поток информации, который получают глухие из окружающего мира, идет в большем объеме через оставшиеся в их распоряжении информационные каналы: зрение, тактильные ощущения, обоняние, ощущение вибраций. Поэтому они намного больше придают значение мимике и жестам. Обычный человек не жестикулирует так активно и не пользуется такой артистичной мимикой. Это необходимо учитывать сотрудникам полиции, вступающим в контакт с глухими: активные движения, мычание и другие проявления могут означать вовсе не агрессию, а дискомфорт от невозможности что-то объяснить, страх из-за непонимания требований, предъявляемых ему полицейскими, и просто желание что-то доходчиво объяснить в состоянии сильного волнения. Им бесполезно кричать в спину: «Стой! Стрелять буду!», их внимание необходимо привлекать другими способами. Например, в зале, наполненном глухими, нужно провести эвакуацию из-за угрозы обрушения потолка, при этом необходимо сильно топнуть по полу, тогда вибрация привлечет внимание, а далее следует обрисовать жестами необходимость покинуть помещение.

Все вышеперечисленные факты должны учитываться при разработке учебно-дидактических материалов для обучения основам русского жестового языка, в том числе сотрудников полиции.

В настоящее время в образовательных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации очное обучение русскому жестовому языку проводится в объемах: 60 и 24 аудиторных часа (зависит от категории обучающихся). Больше время отводится на обучение сотрудников полиции, целенаправленно откомандированных с места работы с целью изучения основ русского жестового языка на факультете повышения квалификации (далее – ФПП) в течение двух недель. 24 аудиторных часа изучают указанную дисциплину слушатели ФПП и курсанты высшей формы обучения.

С одной стороны, включение всех категорий обучающихся по очной форме в образовательных учреждениях МВД России, как уже отмечалось выше, стало запоздавшим, но крайне необходимым решением. Обучающиеся в образовательных учреждениях МВД России слушатели из Казахстана, Киргизии, Кыргызстана, Таджикистана, Южной Осетии, Абхазии, Монголии и других иностранных государств в число изучающих в обязательном порядке русский жестовый язык не попали по простой причине – в этих странах жестовый язык до

сих пор не получил официального статуса и, соответственно, его изучение не относится к числу приоритетных направлений подготовки сотрудников правоохранительных органов. Хотя заметим, что дактилология на национальных языках упомянутых стран, по сути, построена на основе дактилологии русского жестового языка, поскольку алфавиты стран бывшего СССР и Монголии создавались на основе кириллицы. С переводом казахского письма на латиницу ситуация со схожестью дактильных систем постепенно изменится, но этот процесс будет длительным.

С другой стороны, существующие учебные программы пока не отличаются проработанностью из-за кратковременности их использования и, как следствие, недостаточности накопленного опыта. Критическому переосмыслению и итоговой переработке необходимо подвергнуть тематические планы программ. Существующие версии выглядят недостаточно продуманными. Поэтому преподаватель вынужден придерживаться существующего тематического плана, но подавать материал в более эффективной последовательности и с более правильными формулировками.

Однако слабая проработанность тематического плана существующей примерной рабочей программы, в которую допускается вносить изменения только косметического характера, является не единственной актуальной проблемой для преподавателей этой относительно новой для образовательных учреждений МВД России дисциплины. Наибольшую значимость имеет проблема отсутствия соответствующего дидактического обеспечения, поскольку среди опубликованных пособий по основам русского жестового языка до сих пор нет оптимального, то есть соответствующего целям, задачам и тематическому плану дисциплины. Речь идет, прежде всего, о двух источниках: учебное пособие «Теория и практика русского жестового языка» [6] и 20-я глава «Основы русского жестового языка» 3-й части учебника «Профессиональная подготовка полицейских» (учебник находится в стадии доработки, однако разослан в образовательные учреждения МВД России для рецензии).

Учитывая взаимосвязь упомянутых учебника и учебного пособия, предлагаем их обобщенный анализ.

1. На наш взгляд, в указанных работах представлено довольно спорное противопоставление КЖР (калькирующей жестовой речи) и РЖР (разговорной жестовой речи). Судя по тексту, РЖР – это «настоящий» жестовый язык, а КЖР – это нечто вторичное. Однако специалисты по этому поводу до сих пор высказывают полярные точки зрения, и для учебника, созданного для обучения сотрудников полиции, правильным было бы как минимум уточнить, что именно КЖР, как наиболее приближенный к литературной форме языка, является предпочтительной грамотной формой официально-делового общения на русском жестовом языке, однако об этом в учебнике не говорится. Следует

отметить, что КЖР неоднороден и ему присущи многие черты РЖР, включая и специфический порядок слов, однако авторы, по всей видимости, под этой аббревиатурой понимают исключительно полную кальку речи слышащего (говорящего) человека, но умалчивают тот факт, что РЖР – это, по сути, просторечное общение малообразованных глухих. Получается, что преподаватели дисциплины «Русский язык в деловом общении. Культура речи» могут с таким же успехом преподавать сотрудникам полиции основы просторечной речи, изобилующей вульгаризмами, поскольку так общаются многие из тех, с кем правоохранителям придется иметь дело в реальной обстановке профессиональной коммуникации. В частности, именно КЖР использовался сурдопереводчиками в телевизионных новостных программах до распада Советского Союза, что являлось существенным подспорьем в распространении образца жестовой речи, наиболее приближенной к литературному языку. На наш взгляд, эта тема нуждается в дальнейшем изучении и обсуждении на уровне специалистов, в то время как в учебнике рекомендуется воздержаться от однозначной оценки «настоящий / ненастоящий» РЖЯ. Другой вопрос, что необходимо говорить об особенностях привычного порядка слов речи рано оглохших людей, зачастую отличающихся невысоким уровнем образования, но не требовать от сотрудника полиции, изучающего лишь основы РЖЯ, следования зыбким нормам разговорной речи, нормативность которой вызывает большие сомнения.

2. В тексте работ используется термин «аграмматичность жестового языка», однако до этого говорится о «самостоятельной и самобытной лингвистической системе, обладающей собственной ... грамматикой». Возможно, правильным бы было заменить упомянутый термин на «примитивную грамматическую систему» или не давать подобных оценок вовсе. Полагаю, авторам главы хорошо известно, что определение системы русского жестового языка как аграмматической в настоящее время потеряло свою актуальность, тем более что в самой главе «несуществующая» грамматическая система описана. Другой вопрос, что грамматике РЖЯ не хватает четкости правил, единообразия и обязательности для всех носителей языка на всем пространстве его распространения, как это имеет место в ситуации с литературным языком.

3. В упражнениях, входящие в раздел дактилологии, включены скороговорки и довольно объемные тексты, не учитывающие продолжительность практического занятия и сферу профессиональных интересов обучающихся. Логичнее было бы, на наш взгляд, вставить на их место профессионально ориентированные короткие сообщения полицейской тематики.

4. Непонятно включение в жестовые темы от 60 до 110 жестов, что также не учитывает ни длительности практического занятия, ни ограниченного количества подобных занятий. На наш взгляд, оптимальным является введение на

занятия не более 20 специфических жестов, не считая универсальных, одинаково понятных глухим и слышащим носителям определенного языка, в данном случае – русского. В частности, примерной рабочей программой предполагается изучение за курс всего 75-100 жестов.

Прихожу к выводу, что проанализированный дидактический материал содержит много дидактического материала, способного значительно разнообразить занятия по дисциплине, количество используемых для его освоения жестов не противоречит требованиям примерной учебной программы. Возможно, следует допустить введение на семи практических занятиях, заложенных в тематическом плане дисциплины, 120-150 специфических жестов в расчете на дифференцированный подход, рассчитанный на наличие в группе «сильных» и должным образом мотивированных обучающихся, но в упомянутых учебнике и учебном пособии эта цифра значительно выходит за указанный предел допустимого.

Библиографический список

1. Звегинцев, В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта / В.А. Звегинцев. – М., 1984.
2. История сурдопедагогики : учебное пособие для студентов дефектологических факультетов педагогических институтов / А.Г. Басова, С.Ф. Егоров. – М. : Просвещение, 1984.
3. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1999. – Т. 2. – с. 622-623.
4. Русский жестовый язык. Начала : учебное пособие / А.Е. Харламенков. – М. : ОнтоПринт, 2017.
5. Сакс, О. Зримые голоса / О. Сакс ; пер. с англ. А.Н. Анваера . – М. : АСТ, 2019.
6. Теория и практика русского жестового языка : учебное пособие. – М. : ДГСК МВД России, 2018.